

Ксения Рождественская

ЭХО ЛЮБВИ

Поэты-шестидесятники — главные советские бунтари — ворвались в историю литературы и страны вместе с «оттепелью». Они сами и были «оттепелью»: Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, — беззаветно веря в свободу, они заразили своей верой целое поколение. Их голоса гремели на площадях и стадионах, и в конце концов эта громкая слава стала их проклятием: в истории осталось их бунтарство и громогласье, а не тихая, отчаянно нежная лирика, за которую их и ценила молодежь шестидесятых.

Роберт Рождественский (1932–1994) был среди шестидесятников самым, наверное, бескомпромиссным, самым «маяковским», самым «горланом-главарем». Он во весь голос объявлял верность «флагу цвета крови моей», и поэт Константин Симонов писал о «живом дыхании» его стихов, в которых слышен «гул нашего времени». Тем неожиданнее и острее воспринимается любовная лирика Рождественско-

го — такая открытая, такая беззащитная, такая удивительно нежная:

Все начинается с любви:
мечта и страх,
вино и порох.
Трагедия,
тоска
и подвиг —
все начинается с любви...

Его слава тоже началась с любви: с поэмы «Моя любовь», опубликованной в 1955 году в «Октябре». И во всех своих стихах — от ранних, захлебывающихся надеждой, до горьких последних, от фольклорных напевов до резких, почти рокерских ритмов, — Роберт Рождественский говорил, шептал, кричал лишь об одном. Об этом обжигающем счастье, горечи, бесконечном чуде любви — ко всему тому, что зовется жизнью. К женщине. К запутанному и беспутному времени, которому Рождественский был свидетелем. К свободе, глотка которой шестидесятникам когда-то не хватило, а позже, в девяностые, водопад свободы сбил их с ног, и они уже не смогли подняться. Поэты и эпохи уходят, страна меняется, любовь — вечна.

Весна шепнет тебе:
«Живи...»
И ты от шепота качнешься.
И выпрямишься.
И начнешься.
Все начинается с любви!

капля росы
на ладони клена.
Знаешь,
я хочу, чтоб февральская выюга
покорно
у ног твоих распласталась.

И хочу,
чтобы мы любили друг друга
столько,
сколько нам жить
осталось.

НЕОБИТАЕМЫЕ ОСТРОВА

Снятся усталым спортсменам рекорды.
Снятся суровым поэтам слова.
Снятся влюбленным
в огромном городе
необитаемые
острова.

Самые дальние,
самые тайные,
ветру открытые с трех сторон,
необнаруженные,
необитаемые,
принадлежащие тем,
кто влюблен.

Даже отличник
очень старательный
их не запомнит со школьной скамьи, —
ведь у влюбленных
своя география!
Ведь у влюбленных
карты
свои!
Пусть для неверящих
это в новинку, —

только любовь
предъявила
права.
Верьте:
 не сказка,
верьте:
 не выдумка —
необитаемые острова!..

Все здесь простое,
все самое первое —
ровная,
 медленная река,
тонкие-тонкие,
белые-белые,
длинные-длинные
 облака.

Ветры,
которым под небом не тесно,
птицы,
поющие нараспев,
море,
бессонное,
 словно сердце,
горы,
уверенные в себе.
Здесь водопады
 литые,
 летающие,
мягкая,
трепетная трава...

Только для любящих
по-настоящему

эти
великие острова!..
Двое на острове.
Двое на острове.
Двое — и все!..
А над ними —
гроза.

Двое —
и небо тысячеверстное.
Двое — и вечность!
И звезды в глаза...
Это не просто.
Это не просто.
Это сложнее любого
в сто крат...

В городе стихшем
на перекрестках
желтым огнем светофоры горят.
Меркнет
оранжевый отблеск неона.
Гаснут рекламы,
гуденье прервав...

Тушатся окна,
тушатся окна
в необитаемых
островах.

ПОЛНОЧЬ

Будь распят
на кресте распахнувшихся рук!

Забывай.
Забывайся.
Терзайся и падай.

Сердце
вырвалось.

Бьется в тебе и вокруг.

Жди оценки.

Дрожи, будто школьник за партой...

В сотый раз опрокинется мир молодой.

Вновь покажутся молнией
черные ветки!

Снова полночь
знакомо положит ладонь
на горячие,

на просветленные веки...

Будет тихо.

Потом —

ни с того ни с сего —

ночь вздохнет

тополиной

дурмящей ширью...

Кто —
до нас?
Никого!
После нас?
Никого!
Мир возник на секунду,
чтоб мы в нем жили!

На лентах сейсмографов
стала видна
нервная полоса...
(Два человека —
он и она —

глядели
друг другу в глаза...)
Реки набухли.
Народ бежал
и жмурился от тепла.
Кто-то кричал:

«Пожар!..
Пожар!..»

А это
любовь была.

А где-то свадьба, свадьба, свадьба
пела и плясала.
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе
было места мало!
И неба было мало,
и земли!

* * *

Я жизнь люблю безбожно!
Хоть знаю наперед,
что —

рано или поздно —
настанет мой черед.

Я упаду на камни
и, уходя во тьму,
усталыми руками
землю обниму...

Хочу,
чтоб не поверили,
узнав,
друзья мои.

Хочу,
чтоб на мгновение
охрипли соловьи!

Чтобы,
впадая в ярость,
весна по свету шла...

Хочу, чтоб ты
смеялась!
И счастлива была.

* * *

То, где мы жили,
называлось югом...
И каждый раз,
как только мы вставали,
казался мир вокруг
настолько юным,
что в нем —
наверняка! —
существовали
пока еще не названные вещи.
Беспомощный,
под безымянным небом
рождался мир.
Он вовсе не был
вечным.
Усталым не был.
И всеильным не был.
Он появлялся.
Он пьянил, как брага.
Он был доверчивым
и откровенным...
О, это удивительное право:
назвать землею — землю,
ветер — ветром!

Увидев
 ослепительное нечто,
на миг сомкнуть
торжественные веки
и радостно провозгласить:
«Ты —
 небо!
Да будет так
отныне и вовеки!..
Да будет мир
 ежесекундно юным.
Да будет он таким
сейчас и позже...»

То, где мы жили,
 называлось югом.
И было нам по двадцать лет.
Не больше...
И нисходила ночь —
 от звезд рябая.

И мы,
заполненные гулкой ширью,
намаявшись,
почти что засыпая,
любовь
бесстрашно называли
жизнью.

* * *

За тобой
 через года
иду,
не колеблясь.
Если ты —
 провода,
я —
 троллейбус.
Ухвачусь за провода
руками долгими,
буду жить
 всегда-всегда
твоими токами.
Слышу я:
«Откажись!
Пойми
 разумом:
неужели это жизнь —
быть привязанным?!
Неужели в этом есть
своя логика?!
Ой, гляди —
 надоест!
Будет плохо».
Ладно!

Пусть свое
 гнут —
врут расцвеченно.
С ними я
 на пять минут,
с тобой —
вечно!
Ты —
 мой ветер и цепи,
сила и слабость.
Мне в тебе,
будто в церкви,
страшно и сладко.
Ты —
 неоткрытые моря,
мысли тайные.
Ты —
 дорога моя,
давняя,
дальняя.
Вдруг —
 ведешь меня
 в леса!
Вдруг —
 в Сахары!
Вот бросаешь,
тряся,
на ухабы!
Как ребенок, смешишь.
Злишь, как пытка...
Интересно мне
 жить.
Любопытно!

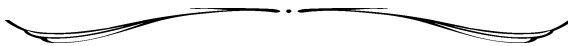
ОДНА ИЗ ПРИЧИН ШТОРМА

Океан
 созвал собрание
 рек.
Было холодно еще.
Шел апрель.
И струились,
 как зерно из прорех,
голубые капли южных морей.
Реки севера
 наморщили лбы,
голос их был леденяще высок.
Все почтили память,
 встав на дыбы,
ручейков и рек,
ушедших в песок.
На поминках океан
 так плясал,
так рыдал,
так необузданно пил,
что взлетала, будто смерч,
к небесам
водяная
 удивленная пыль...

Амазонку
 он к Днепру ревновал,
лобызался с Гангом в пьяном дыму...

Три недели
океан бушевал.
И никто не понимал —
 почему.

* * *

Рыбы

уходят спать на деревья —

верю.

Зайцы купаются

до одуренья —

верю.

Лошадь

читает по-итальянски —

верю.

Юный петух

уличен в постоянстве —

верю.

Пудрой не пахнет

в дамском салоне —

верю.

Пляж в Антарктиде,

снег — на Цейлоне —

верю.

В льва,

перешедшего с мяса на травку,

верю.

В труса,

готового ринуться в драку,

верю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ксения Рождественская. Эхо любви</i>	5
«Знаешь, я хочу, чтоб каждое слово...»	7
Необитаемые острова	9
Полночь	12
Чудо	14
Свадьба	16
«Я жизнь люблю безбожно!..»	18
«То, где мы жили, называлось югом...»	19
«За тобой через года...»	21
Одна из причин шторма	23
«Рыбы уходят спать на деревья...»	25
Королева пляжа	27
Бег	30
Сердце в руках	31
«Девочки опаздывают на свиданья...»	34
«Взял билет до станции Первая любовь...»	36
Моя любовь (<i>Из поэмы</i>)	38
Начало	42
Надпись	44
Весенний монолог	46
Ливень	48
«Встанет море, звеня...»	50
Без тебя	51
О разлуке	53
«Приходить к тебе, чтоб снова...»	55

Матрешка	56
Ночью	59
До твоего прихода (<i>Поэма</i>)	62
Письмо домой	78
«Ежедневное чудо — не чудо...»	81
«Наверно, ученый меня б опроверг...»	83
Ревность	85
Разница во времени	87
«Если разозлишься на меня...»	89
«Зря браслетами не бряцай...»	91
«Родных разыскиваю...»	93
«Я уехал от весны...»	95
«Где-то оторопь зноя...»	98
Оттуда	100
Стихи, написанные восьмого марта	103
Письмо про дождь	105
«А я все тебе не пишу, не пишу...»	108
Твой голос	110
«Восемьдесят восемь»	112
Таежные цветы	116
«Тот самый луч, который...»	118
Снег	120
«Белым снегом, белым цветом...»	122
Подарок	125
Ностальгия	127
Игра в «Замри!»	129
«Ты мне сказала: «Ночью...»	131
«Отдать тебе любовь?...»	133
«Слова бывают грустными...»	135
«У разоренного стола...»	136
Джоконда	138

«Кем они были в жизни — величественные Венеры?..»	141
«Не ночь, а просто...»	144
«Провожаний немое кино...»	147
Перед расставанием	149
«Раскачивается вагон....»	151
Старые слова	152
Встреча	154
Отпуск	156
Мода	158
«Как детство, ночь обнажена...»	160
Зимняя любовь	162
Радар сердца	164
Богини	166
Телеграммы	168
Песенка солдата (<i>Из кинофильма «Неуловимые мстители»</i>)	171
Только тебе	173
«Письмо в XXX век» (<i>Из поэмы</i>)	175
Дочке	179
Новорожденный	182
Ксении	183
Дочка пишет сочиненье	186
«Дочери, дети среди оглушенной земли...»	189
Ответ на записку из зала	190
«Красивая женщина — это профессия...»	194
Ожидание (<i>Монолог женщины</i>)	196
Любовь настала	215
Радиус действия	217
«Это женское уменье...»	220
Лирическое отступление о школьных оценках (<i>Из поэмы «Двести десять шагов»</i>)	221

«Будь, пожалуйста, послабее...»	225
«Благодарен, что мне повезло...»	227
Гитара Гарсиа Лорки	228
Подражание бардам	230
«Горбуша в сентябре...»	231
«Так вышло...»	233
Байкальская баллада	235
Баллада о зенитчицах	241
Дни рождения	244
«Мы совпали с тобой...»	247
«Ветер. И чайки летящей крыло...»	248
Эхо любви	249
«Непонятны голоса Галактик...»	250
Именины	251
Сладка ягода	253
«Не верю в принцесс на горошинах...»	255
«Человеку надо мало...»	257
Разговор о снеге с семилетним Ка Саном — сыном сингапурского поэта Го Бо Сена	259
Подслушанный разговор	261
День рождения женщины	263
«Сяду за воспоминания...»	264
Шум в сердце	266
«Надоело: «Долой!»...»	269
Осенью	270
«Вновь нахлынул северный ветер...»	272
«Спелый ветер дохнул напористо...»	274
«У берега живут мальки...»	276
Ноктюрн	278
«Ах, как мы привыкли шагать от несчастья к несчастью...»	280
«Всё начинается с любви...»	281